

ЧЖАН ХАОСЮАНЬ,
соискатель кафедры политологии
Белорусского государственного университета

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИРОВАНИЯ ГРУППАМИ ИНТЕРЕСОВ В США

Рассмотрены теоретическое обоснование и институциональное регулирование лоббирования группами интересов в США. Дана эволюция теоретического осмысления лоббизма и деятельности групп интересов от плюралистических концепций к критическим взглядам; определены основные механизмы влияния: предоставление информации, мобилизация ресурсов, налаживание связей и формирование повестки дня. Выделены страновые особенности лоббистской деятельности американских групп интересов. Выявлены структурные проблемы системы регулирования лоббистской деятельности в США, включая неравенство ресурсов, непропорциональное представительство и риски клиентской политики. Раскрыты особенности влияния цифровой трансформации на формы представительства интересов.

Ключевые слова: политика, лоббирование, демократия, группы интересов, институционализм, плюрализм, политическое влияние, цифровая трансформация.

ZHANG HAOXUAN

THEORETICAL FOUNDATIONS AND INSTITUTIONAL GOVERNANCE OF INTEREST GROUP LOBBYING IN THE UNITED STATES

This article examines the theoretical foundations and institutional governance of American interest group lobbying. It describes the evolution of theoretical understanding of lobbying and interest group activity from pluralist frameworks to critical perspectives, identifying four primary influence mechanisms: information provision, resource mobilization, relationship construction, and agenda setting. While the American system demonstrates high institutionalization and transparency through constitutional protections and legal frameworks, it faces structural challenges including Country-specific characteristics of American interest group lobbying are highlighted. Structural problems in the US lobbying regulatory system are identified, including resource inequality, representational bias, and policy capture risks. The impact of digital transformation on interest representation forms is explored.

Key words: politics, lobbying, democracy, interest groups, institutionalism, pluralism, political influence, digital transformation.

Политика лоббирования группами интересов как важнейший компонент современной политической системы США долгое время является неизбежной темой при объяснении американского политического процесса. С тех пор как А. де Токвилю удалось проникательно подметить самобытное «искусство ассоциаций» американцев, это явление продолжает развиваться. В настоящее время в Вашингтоне, округ Колумбия, тысячи профессиональных лоббистов перемещаются между Капитолийским холмом и различными департаментами федерального правительства, демонстрируя как открытость американской демократической политики, так и сложность современного управления [1, с. 33].

Представительство интересов давно вышло за рамки традиционного эпизодического поведения, ограниченного избирательным циклом, и пронизывает весь политический процесс как нормализованная, институционализируемая практика. Лоббистская деятельность больше не находится на периферии политики, а представляет собой важный механизм, постоянно действующий в рамках американской демократической системы.

В настоящее время американская политика групп интересов характеризуется высокой степенью профессионализации и институционализации. Ученые в целом признают, что в Соединенных Штатах создана одна из крупнейших и наиболее профессиональных лоббистских моделей в мире [2, с. 413]. Например, только в ходе избирательного цикла 2020 г. различные комитеты политических действий в совокупности собрали около 13,2 млрд долл. США, причем значительная доля

средств поступила от крупных корпораций и отраслевых ассоциаций [3]. Эта масштабная система политического влияния не только иллюстрирует выраженную дифференциацию социальных интересов в Америке, но и отражает значительное расширение политического участия.

Однако развитость лоббизма сопровождается структурными дилеммами. Неравномерное распределение ресурсов создает несбалансированную модель политического участия, а доминирование отдельных влиятельных групп на политической арене подрывает механизм обеспечения общественных интересов. В результате многие социально незащищенные группы испытывают трудности в достижении эффективного представительства своих интересов из-за отсутствия доступных каналов влияния. Исходя из вышесказанного, целью статьи является определение теоретических и институциональных принципов осуществления лоббистской деятельности группами интересов в США. Для реализации поставленной цели представляется необходимым решение следующих исследовательских задач:

1. Выявить эволюции теоретических взглядов на сущность лоббизма и деятельности групп интересов.
2. Определить нормативно-правовые и институциональные механизмы регулирования лоббизма в США.
3. Выявить механизмы и страновые особенности осуществления лоббистской деятельности группами интересов в США.
4. Установить механизмы влияния цифровой трансформации на формы представительства интересов.

Теоретическое осмысление американской политики лоббирования группами интересов возникло не в одночасье. Изначально появились труды, характеризующиеся описательным подходом. Г. Трумэн в своей классической работе «Правительственный процесс: политические интересы и общественное мнение» дал первое систематическое определение групп интересов и предложил собственную теоретическую модель [4, с. 215]. Он утверждал, что любая группа, «предъявляющая определенные требования к другим группам в обществе на основе одной или нескольких общих установок», может считаться группой интересов. Таким образом, общие интересы и устойчивые модели поведения составляют основные элементы этой концепции. Несмотря на кажущуюся простоту, это определение заложило прочную основу для последующих научных исследований. Более того, концептуализация Трумэна перекликалась с практикой реальных ассоциаций, широко наблюдавшихся в американском обществе того времени, — связь, которая впоследствии была подробно разработана в теории плюрализма.

По мере углубления исследований плюрализм постепенно стал доминирующей парадигмой, систематически легитимировавшей политику групп интересов. Это был не просто академический конструкт, но и важная аналитическая основа для понимания «представительства интересов» в современной демократии. Р. Даль в своих классических работах прямо утверждал, что в открытой политической системе различные группы интересов достигают политического равновесия посредством конкуренции, переговоров и компромиссов. Роль правительства в этом процессе напоминает роль нейтрального арбитра, а не одновременно рефери и игрока, обеспечивая всем голосам возможность быть услышанными [5, с. 3]. Такое видение теоретически конструирует идеализированную картину: организованное представительство привносит в политическую систему социальное разнообразие, в конечном итоге формируя динамическое равновесие. Примером служит движение за гражданские права 1960-х гг.: когда афроамериканские организации за гражданские права вышли на политическую арену США, они успешно добились принятия Закона о гражданских правах. Данный процесс воплощает в себе основную логику плюрализма: периферийные группы могут влиять на систему принятия политических решений, как только они организуются.

Идеализированные предпосылки теории плюрализма быстро столкнулись с политической реальностью. Исследователи отметили, что лоббистские ресурсы распределяются неравномерно. Б. Лич в своем исследовании стратегий американских групп интересов отметила, что корпорации и олигархические группы часто обладают финансовыми ресурсами и сетями связей, значительно превосходящими возможности гражданских организаций. Данные различия напрямую приводят к асимметричному политическому влиянию [5, с. 83].

Дилемма неравного доступа групп интересов к ресурсам влияния заставила ученых искать новые объяснительные модели, что привело к появлению нового институционализма. Ф. Баумгартнер и Б. Лич в работе «Основные интересы: важность групп в политике и политической науке» подчеркнули, что действуют группы интересов не в «вакууме», а встроены в определенные институциональные механизмы [6, с. 73]. Институты определяют, кто выходит на политическую арену, кто исключается и какие стратегии, скорее всего, будут успешными.

Новый институционализм разделен на несколько направлений. Исторические институционалисты исследуют, как институты создают определенные модели политического поведения в зави-

симости от опыта предшествующего развития. Институционалисты, придерживающиеся теории рационального выбора, фокусируются на стратегических решениях, проводимых в рамках институциональных правил. Институционалисты социального конструктивизма подчеркивают, что институты не только ограничивают акторов, но и формируют их идентичность и предпочтения. Х. Клувер утверждает: «В рамках определенной институциональной среды лоббирование — это не просто передача информации или давление, это само по себе стратегическое взаимодействие» [7, с. 24]. Объяснительная модель нового институционализма демонстрирует смещение акцента с «конкуренции за ресурсы» на «конкуренцию за правила». К примеру, формально в процессе слушаний в Конгрессе США любая группа может сделать заявление. Однако на практике доступ к слушаниям и продолжительность выступлений определяются институциональными правилами. В результате менее влиятельные группы с законными требованиями не могут реально заявить свои требования, если у них нет институционального доступа.

В отличие от оптимистичного взгляда плюрализма, элитистская теория и теория «регуляторного захвата» (или клиентской политики) выявляют проблемы концентрации власти и политической предвзятости. Л. Дратман в книге «Бизнес Америки — это лоббирование» утверждает, что в американской лоббистской политике доминирует небольшое число влиятельных экономических групп, в то время как голоса рядовых граждан и дискриминируемых групп часто заглушаются огромным финансированием и обширной сетью взаимоотношений [8, с. 187]. Эта критика подчеркивает фундаментальное противоречие: неравенство ресурсов внутри политической системы часто порождает политическое неравенство. Так называемый регуляторный захват происходит, когда организации, представляющие частные интересы, устанавливают слишком тесные отношения с регулируемыми органами, что приводит к «захвату» процесса принятия политических решений и отвлечению их от реальных общественных интересов. Такие случаи в США нередки. Дерегулирование финансовой отрасли перед финансовым кризисом 2008 г. можно рассматривать как типичный пример захвата регулирующих органов, когда тесные связи между регулируемыми органами и субъектами Уолл-стрит подорвали независимость принятия политических решений.

Развитие теории управления и сетевой теории отражает попытки снизить риски лоббистских практик. В своих сравнительных исследованиях К. Уолл отмечает, что прозрачность и процессуальная справедливость имеют решающее значение: они повышают легитимность политических процессов, одновременно снижая риски информационной асимметрии и злоупотребления властью [9, с. 460]. Например, Закон о честном лидерстве и открытом правительстве 2007 г. (*Honest Leadership and Open Government Act*) был направлен на усиление обязательств по раскрытию информации и механизмов надзора в ответ на общественную критику непрозрачных практик лоббирования.

Тем не менее даже при институциональных реформах проблемы сохраняются. Связь денег и политики часто оказывается неразрывной, как человек и его тень. Теории элитизма и «регуляторного захвата» напоминают нам, что группы интересов, лоббирующие свои интересы, не следует рассматривать только как «проявления демократического многообразия». Они также могут стать источником риска для демократических институтов. Как следствие, политику групп интересов можно рассматривать двояко: они могут выступать и в качестве моста между гражданским обществом и государством, и как инструменты для манипулирования политикой со стороны элит.

Отличительной чертой американских групп интересов является их высокая степень институционализации и организованности. В отличие от временных политических образований, которые можно наблюдать во многих странах, американские группы интересов чаще функционируют как постоянные объединения, обладающие формальной организационной структурой, стабильной финансовой базой и профессиональными командами. Институциональная укорененность делает их похожими скорее на «квазиполитические институты», чем на свободные общественные объединения. Примером подобных «квазиполитических институтов» являются Американская ассоциация пенсионеров и Торговая палата США. Со времени своего основания в 1958 г. Американская ассоциация пенсионеров превратилась в одну из самых влиятельных групп общественных интересов в Соединенных Штатах. В организации насчитывается более 38 млн членов, годовой бюджет организации превышает 1,5 млрд долл. США, а штат сотрудников составляет около 2300 человек [8, с. 32]. Масштаб и профессионализм организации позволяют ей оказывать стабильное влияние на Конгресс и правительство по вопросам здравоохранения, социального обеспечения и т. п. Во многих отношениях она действует как зрелая «политическая компания», а не временная коалиция.

В состав Торговой палаты США входит свыше 300 000 предпринимателей-членов и с годовым бюджетом, превышающим 280 млн долл. США, она является крупнейшей в стране организацией по лоббированию интересов бизнеса [10, с.41]. Благодаря своим обширным сетям связей и финансовым возможностям Торговая палата оказывает прямое и долгосрочное влияние на политический курс страны: от торговой политики до налогообложения и международных экономических пере-

говоров. Существование столь крупных организаций свидетельствует, что система групп интересов в Америке функционирует не только в качестве каналов выражения общественного мнения, но и в качестве непосредственных субъектов принятия политических решений.

Еще одной институционализированной практикой стал механизм «вращающихся дверей» между группами интересов и политической властью. К. Макграт и П. Харрис отмечают в книге «Создание индустрии лоббирования в США», что профессионализация американского лоббизма отражается не только в найме политических аналитиков, юрисконсультов и сотрудников по связям с общественностью, но и в частых кадровых потоках между лоббистскими организациями и государственными учреждениями [11, с. 410]. Бывшие чиновники и сотрудники Конгресса часто присоединяются к лоббистским фирмам после ухода с официальной должности, используя связи и опыт для обеспечения преимуществ для своих клиентов, в то время как лоббисты могут быть назначены на государственные должности. Хотя данный механизм повышает эффективность политической коммуникации, он также усугубляет политическую коррупцию.

Американские группы интересов демонстрируют отчетливые тенденции к специализации на конкретных сферах. В отличие от традиционных классовых или региональных групп интересов, современные организации часто концентрируются на отдельных вопросах. Национальная стрелковая ассоциация создана исключительно для защиты прав на оружие; Американская федерация планирования семьи фокусируется на репродуктивном здоровье и правах женщин; Фонд защиты окружающей среды проводит кампании по защите окружающей среды; Американская медицинская ассоциация играет центральную роль в реформе здравоохранения и защите профессиональных прав врачей. Как отмечает китайский исследователь Чжан Сюэцин: «Организации, занимающиеся одной сферой, имеют узкую повестку дня, но также четкие позиции и сильный мобилизационный потенциал, часто оказывая значительное влияние в крайне поляризованной политической среде» [9, с. 63]. Приведенные примеры показывают, что американские группы интересов являются не периферийными акторами, а встроенными участниками повседневной политической жизни.

Помимо институционализации, группы интересов в Соединенных Штатах обладают значительными коммуникационными возможностями и способны оказывать влияние на общественное мнение для легитимизации своей деятельности. В информационную эпоху влияние на общественную повестку дня и формирование дискурсивной среды стало для них «вторым полем битвы». Современные группы интересов умело используют как традиционные, так и социальные медиа, участвуя в пиар-кампаниях, рекламе и иных информационных кампаниях. Китайский ученый Чжао Кэцзинь подчеркивает, что «средства массовой информации стали важным инструментом лоббирования интересов групп интересов, конструирования рамок проблем, распространения информации и мобилизации поддержки» [12, с. 22]. Например, Национальная стрелковая ассоциация публикует заявления сразу после инцидентов со стрельбой, представляя их как угрозу праву на оружие для мобилизации сторонников. Экологические организации также используют кампании в социальных сетях для привлечения внимания молодого поколения к проблемам климата.

Таким образом, группы интересов взаимодействуют с политиками и влияют на гражданское общество, а также оказывают давление «снизу вверх» на политическую систему. Эта двунаправленная модель делает их похожими на операторов на «рынке мнений». Если коммуникация — их оружие в обществе, то институциональная структура — основа их политического существования. Система групп интересов в США отличается высокой институционализацией и относительно всеобъемлющей правовой базой. По сравнению со многими странами Соединенные Штаты разработали одну из самых детальных систем регулирования лоббистской деятельности в мире. Она защищает политическое участие и одновременно пытается снизить коррупционные риски посредством требований прозрачности.

На конституционном уровне Первая поправка к Конституции США гарантирует свободу слова, собраний и петиций. Т. Холиоук отмечает: «Первая поправка узаконивает лоббирование как форму политических петиций и самовыражения, а не просто как денежные операции» [13, с. 48]. Американская институциональная структура рассматривает лоббирование как часть демократической политики, а не как угрозу ей. На законодательном уровне Закон о раскрытии информации о лоббировании 1995 г. (*Lobbying Disclosure Act*) и Закон о честном лидерстве и открытом правительстве 2007 г. установили комплексные системы регистрации, раскрытия информации и поведенческих норм. Р. Петерсен в докладе Исследовательской службы Конгресса подчеркнул, что «общая черта этих законов заключается в акценте на прозрачности, а не на запрете» [14, с. 86]. Это отражает философию американского регулирования: регулировать, а не искоренять лоббизм.

Однако на практике нормативно-правовое регулирование лоббистской деятельности не обеспечивает полного ее контроля. Л. Друтман оценил правовое определение лоббирования как слишком узкое, что позволяет многим существенным видам деятельности оставаться вне нормативного контроля, в то время как правоохранительным органам часто не хватает ресурсов и пол-

номочий для эффективного мониторинга [8, с. 95]. Это выявляет фундаментальное противоречие: формальная полнота сосуществует со слабым контролем, оставляя прозрачность и подотчетность на поверхностном уровне.

Группы интересов влияют на политические процессы посредством множества пересекающихся механизмов. Представляется необходимым выделить четыре основных механизма:

- 1) предоставление информации;
- 2) мобилизация ресурсов;
- 3) налаживание связей;
- 4) формирование повестки дня.

Предоставление информации позиционирует группы интересов как «экспертов в области политики», снабжающих лиц, принимающих решения, специализированными знаниями и аналитическими материалами. *Мобилизация ресурсов* подразумевает финансирование, активацию избирателей и продвижение в СМИ, при этом комитеты политических действий и суперкомитеты политических действий институционализируют финансовое влияние. Комитет политического действия — это освобожденная от налогов организация, которая объединяет благотворительные взносы членов на избирательные кампании за или против конкретного кандидата либо на законодательные инициативы. Суперкомитеты политических действий, в отличие от традиционных комитетов политических действий, имеют законное право собирать неограниченные суммы от отдельных лиц или организаций в целях предвыборной агитации, при запрете координировать свою деятельность с кампаниями кандидатов или политических партий либо вносить в них прямой вклад.

Налаживание связей отражает создание долгосрочных сетей доверия, примером которых служит принцип «вращающейся двери». Установление повестки дня подчеркивает способность групп формулировать вопросы и определять приоритеты, тем самым формируя политические дебаты. К. Махони отмечает, что современная политика все чаще предполагает наличие сетей конкурирующих и сотрудничающих субъектов, а не линейных потоков влияния [15, с. 39].

В цифровую эпоху лоббирование претерпело глубокую трансформацию. Организационные структуры сместились в сторону сетевого взаимодействия и децентрализации, что обеспечивает быструю мобилизацию. Социальные сети теперь функционируют не только как инструмент коммуникации, но и как платформа для активизма и формирования дискурса. Такие движения, как *Black Lives Matter*, эффективно использовали *Twitter* и *Facebook* для мобилизации сторонников и усиления влияния.

Большие данные и искусственный интеллект произвели дальнейшую революцию в лоббировании, предоставив группам беспрецедентные возможности для целенаправленного влияния. Анализируя данные пользователей, они могут создавать подробные профили избирателей и предоставлять персонализированный контент. Алгоритмические рекомендации знакомят людей с адаптированными политическими нарративами, создавая «эхо-камеры» или «информационные пузыри», которые усиливают поляризацию. Виртуальное лоббирование: онлайн-брифинги, цифровые отчеты и удаленные консультации, — получило распространение во время пандемии COVID-19, снижая барьеры для участия, но усложняя регулирование. Новые краудсорсинговые и децентрализованные модели также переосмысливают организационные границы, заменяя традиционные системы членства гибкими системами участия. Другими словами, цифровое лоббирование превращает группы одновременно в производителей информации и алгоритмических манипуляторов, конкурирующих не только за политическое влияние, но и за общественное внимание.

Таким образом, в результате научной оценки американской системы групп интересов и лоббирования выявлены особенности, как обеспечивающие ее эффективность, так и способствующие олигархизации системы управления. В качестве характеристик, обеспечивающих высокую эффективность представительства интересов в США, определены:

- высокая степень институционализации, которая позволяет лоббированию осуществляться прозрачно в рамках закона, а не посредством закулисных сделок;
- открытость и конкуренция, которые обеспечивают доступ различных групп интересов к политическим процессам;
- специализация, которая обеспечивает политикам профессиональный опыт, повышая качество принимаемых решений.

Тем не менее можно выделить ряд структурных проблем в практиках лоббирования:

- неравенство ресурсов, которое приводит к серьезному дисбалансу влияния;
- политическая предвзятость, которая искажает представительство интересов, так как частные корпорации легче организуются и имеют общий интерес, в отличие от потребителей с их разобщенными требованиями;

– риски «регуляторного захвата» или клиентской политики, которые уводят политические решения от общественных интересов.

Указанные проблемы свидетельствуют о более глубоких дилеммах американской системы управления: как обеспечить законное участие в политической жизни, избегая искажений, вызванных неравенством ресурсов и асимметрией доступа к информации? «Главная задача регулирования лоббистской деятельности в США заключается в том, как повысить прозрачность и подотчетность, уважая при этом свободу слова и объединений» [15, с. 178]. Таким образом, хотя американская система лоббирования входит в число мировых лидеров по институционализации и прозрачности, она по-прежнему сохраняет структурные проблемы, связанные с эффективностью и справедливостью регулирования.

Выводы

1. Известные в настоящее время подходы к анализу политики лоббирования группами интересов в США эволюционировали от плюрализма до критической рефлексии элитизма, от нового институционализма до сетевой теории. Совокупность данных теоретических подходов раскрывает суть американских групп интересов в качестве проявления демократической плюрализации, так и как источника дисбаланса политических сил и олигархизации системы управления.

2. Механизмы нормативно-правового и институционального регулирования американской системы лоббирования достигли достаточной степени зрелости. Первая поправка к Конституции США заложила конституционные основы для выражения интересов, специализированные законы создали структуры управления, основанные на регистрации и раскрытии информации лоббистами. Организованное профессиональное лоббирование укрепляет процессуальную эффективность этой системы.

3. Выделены четыре механизма, посредством которых группы интересов влияют на политические процессы: предоставление информации, мобилизация ресурсов, налаживание связей и формирование повестки дня. В качестве характеристик, обеспечивающих эффективность представительства интересов в США, определены: высокая степень институционализации, открытость и конкуренция, специализация. В то же время сохраняются серьезные структурные проблемы, которые ограничивают публичный характер и легитимность представительства общественных интересов. В связи с этим существует потребность в дальнейшей нормативной регламентации лоббистской деятельности, включая неравенство ресурсов, политическую предвзятость и риски регуляторного захвата.

4. Цифровая трансформация меняет формы и границы политики групп интересов. Социальные сети, большие данные и искусственный интеллект не только расширяют возможности мобилизации и каналы коммуникации групп интересов, но и перестраивают методы производства и распределения политического влияния. Выявлено, что механизмы рекомендаций алгоритмов и эффект «информационного пузыря» усиливают фрагментацию и политическую поляризацию общества.

5. В качестве перспективных направлений исследований политики лоббирования группами интересов в США следует обозначить следующие:

- выявление влияния технологического прогресса на традиционные парадигмы управления;
- определение роли институционализации и прозрачности в сохранении легитимности демократической системы в условиях диспропорции влияния.

С точки зрения сравнительной политологии опыт американской системы групп интересов подчеркивает позитивную роль институционализации и прозрачности в демократическом управлении, одновременно обнаруживая проблемы, связанные с неравенством ресурсов и технологическим прогрессом. Следовательно, поиск динамического баланса между открытостью и нормативностью, между плюралистическим участием и общественными ценностями и интересами — это не только практическая политическая задача для Соединенных Штатов, но и насущный вопрос для современной демократической теории.

Список использованных источников

1. 崔钰. 利益集团游说的力量—《游说与政策制定：私人利益的公共追求》评介 / 崔钰, 李广//. 政法论坛. — 2021. — № 39 (4). — P. 118–121. = Цуй, Янь. Сила лоббирования группами интересов — обзор книги «Лоббирование и формирование политики: публичное стремление к частным интересам» / Цуй Юй, Ли Гуан // Политико-правовой форум (Журнал Китайского университета политических наук и права). — 2021. — № 39 (4). — P. 118–121.
2. Scott, J. C. Lobbying and society: A political sociology of interest groups / J. C. Scott. — Cambridge : Polity, 2018. — 161 p.
3. Statistical summary of 24-month campaign activity of the 2019–2020 election cycle // Federal Election Commission. — URL: <https://www.fec.gov/updates/statistical-summary-24-month-campaign-activity-2019-2020-election-cycle/> (date of access: 01.08.2025).
4. Kollman, K. Outside lobbying: Public opinion and interest group strategies / K. Kollman. — Princeton : Princeton University Press, 1998. — 215 p.

5. Leech, B. L. Lobbying strategies of American interest groups / B. L. Leech. — Texas A&M University, 1998.
6. Baumgartner, F. R. Basic interests: The importance of groups in politics and in political science / F. R. Baumgartner, B. L. Leech. — Princeton : Princeton University Press, 1998. — 223 p.
7. Klüver, H. Interest Groups, Lobbying Coalitions, and Policy Change in the European Union / H. Klüver. — Oxford : Oxford University Press, 2013.
8. Drutman, L. The Business of America is Lobbying: How Corporations Became Politicized and Politics Became More Corporate (Studies in Postwar American Political Development) / L. Drutman. — New York : Oxford University Press, 2015. — 269 p.
9. 张秀琴. 英美利益集团游说政治的文化差异 / 张秀琴 // 理论学刊. — 2016. — № 29 (5). — P. 61–68. = Чжан Сюцинь. Культурные различия в лоббистской политике групп интересов в Англии и Америке / Чжан Сюцинь // Теоретический журнал. — 2016. — № 29 (5). — P. 61–68.
10. 谢杰. 利益集团与美国能源政策—基于美国ACES法案投票的分析 / 谢杰, 葛静, 张欣 // 世界经济与政治. — 2016. — № 9. — P. 18–35. = Се, Цзе. Группы интересов и энергетическая политика США: анализ голосования по Закону США о чистой энергии и безопасности / Се Цзе, Гэ Цзин, Чжан Синь // Мировая экономика и политика. — 2016. — № 9. — С. 18–35.
11. McGrath, C. The creation of the US lobbying industry / C. McGrath, P. Harris // Routledge handbook of political management. — Routledge, 2010. — P. 407–419.
12. 赵可. 大众媒体与美国国会游说 / 赵可 // 美国研究. — 2005. — № 1 — P. 19–28. = Чжао, Кэ. Средства массовой информации и лоббирование в Конгрессе США / Чжао Кэ // Американские исследования. — 2005. — № 1 — С. 19–28.
13. Holyoke, T. T. Interest Groups and Lobbying: Pursuing Political Interests in America / T. T. Holyoke. — New York ; Abingdon : Westview Press, 2014. — 352 p.
14. Petersen, R. E. Lobbying Reform: Background and Legislative Proposals, 109th Congress. Washington: Congressional Research Service // EveryCRSReport.com — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20060607_RL33293_09f6671e0471db781fa7eefe725b65033c8a7f8f.pdf (date of access: 01.08.2025).
15. Nownes, A. J. Interest groups in American politics: Pressure and power / A. J. Nownes. — 2nd ed. — New York : Routledge, 2013. — 314 p.

11.12.2025